

Два спектакля в Центральном театре транспорта

Вот уже два месяца, как работает новый театр — Центральный театр транспорта.

Два спектакля показал театр за этот месяц: «Любовь Яровую» Тренева и «Без вины виноватые» Островского — и по ним уже можно судить о труппе.

«Любовь Яровая»

В двенадцатую годовщину своего существования вступает пьеса «Любовь Яровая». Испытание временем блистательно прошло для пьесы Тренева. С огромной искренностью, с захватывающей страстью, прекрасным, ярким языком рассказывает нам эта пьеса о годах гражданской войны, о том, как в тылу белогвардейской армии «сородожили в подполье замечательные большевики, партийные и непартийные, которые подымали на восстание рабочих и крестьян против интервентов, против белогвардейцев, подымали тылы врагов советской власти и, тем самым, облегчили продвижение Красной Армии» («Краткий курс истории ВКП(б)').

Центральная роль пьесы — сельская учительница Любовь Яровая — трудное испытание для актрисы. Артистка Комарова, дополнившая эту роль, молодая, невеликая актриса. В ее исполнении этой роли есть известные срывы, известные незавершенности. Главная ошибка Комаровой в том, что она сразу раскрывает свою героиню. Уже в первом акте у ее Любови Яровой встречаются такие интонации, которые были бы уместны для Яровой — «верного товарища» в последнем акте пьесы. В начале же Яровая еще не осознала своего боевого призвания. Актрисе не удалось показать постепенный, органический рост Яровой. И все же в

лице Комаровой театр нашел актрису лирическую, искреннюю, незаурядную. Этим объясняется ее успех у зрителей.

Рядом с Любовью Яровой — ее муж — поручик, контрреволюционер из эсеров. Артист Никитин правильно понял, что нельзя преуменьшать опасность врага. В его исполнении поручик Яровой серьезен, упорен, ловок. Но Яровой расчетлив и настойчив потому, что бесно венавдид революцию, потому, что злоба колокчет в нем. Для показа этого необходимых яркие краски. У Никитина же серьезность Яровой выигрывает не отлившись от равнодушная, а это неправильно.

Матрос Шванда... Легко развеселить зрителя в этой роли. Истинная же задача актера не в том, чтобы Шванда забавлял, а в том, чтобы Шванду любил. В исполнении арт. Эйвина матрос еще не отличается неукротимой верой в революцию, столь характерной для Шванды. Черты Шванды-революционера актеру нужно еще углубить. Но отказ от традиционного «братяшки» и безусловное обаяние заставляют верить в творческие возможности актера Эйвина. Он понимает свою задачу и может добиться правильного ее решения.

Рядом с матросом — матрасы — зрелые, заслуженные исполнители, знакомые по другим ролям в других театрах. Не забыты фигуры Елксатова в исполнении заслуженного артиста республики Доросевича.

Заслуженный артист Андреев играет комиссара Кошкина. Есть в нем уверенность и спокойствие, внутренняя сила во всем его облике; но Кошкин — романтик. Кошкин живет не только настоящим, но и будущим, прекрасным будущим, которое осуществлено ныне, через 20 лет, в стране социализма. Он — мечтатель в благородном в ленинском смысле этого слова. Вот

эта-то революционная романтичность Кошкина утеряна Андреевым.

Есть образы в спектакле, с которыми не соглашаешься. В исполнении несомненно способной актрисы Лихачевой (Панова) нет внешней эффектности белогвардейской «львицы».

Театральная культура чувствуется в работе опытного постановщика (заслуженный деятель искусств Прозоровский). Со вкусом, экономно, с учетом скромных возможностей сценической площадки театра оформил спектакль художник Меньшутин.

«Без вины виноватые»

Открывается занавес. За окнами простенной комнаты — зелень, церковка, река, — пейзаж русского провинциального городка XIX столетия. Все так светло, так ясно, так трогательно. Но вот агро-ворьяи люди, и вы сразу чувствуете, как страшно жить в этих зеленых берегах, как грозно «темное царство», крепко утвердившееся в лихлиничском городке.

Люба Отрадина не может выйти замуж за любимого человека — она бедна. Любимый человек — чиновник Муров — бросает ее для того, чтобы жениться на богатой женщине. У Любы ребенок, которого нужно скрывать от «общества» (где-то у мешанки Галчихи, профессиональной воспитательницы так называемых «незаконных детей»). Тяжко заболел ребенок Отрадиной. Галчиха сообщает, что ребенок при смерти, молодая мать убита этой вестью.

Сразу же с первых эпизодов Островский властной рукой вводит нас в «темное царство». Сейчас, когда смотрим «Без вины виноватые» в непосредственной редакции, кажется странным, что

виные режиссеры вычеркивали первое действие (пролог) пьесы, причисляли великодушное произведение великого классика к своей лад.

Вся драма Любы Отрадиной, потерявшей сына и неустанно разыскивавшей его; острота ее встречи через семнадцать лет с отцом ребенка — Муровым, одним из богатейших помещиков губернии, — все это изрядно бледнеет, если отказаться от пролога. К счастью этого не сделали в Центральном транспортном театре.

Итак, после пролога проходит семнадцать лет. За это время Люба Отрадина становится известной актрисой Кручининой. Она приезжает на гастроли в тот городок, в котором жила девушкой.

Кручинина-мать, плачущая по сыну, не зная, что сын рядом с ней, — это положение может толкнуть в мелодраме, заслонить социальное значение пьесы, если актеры не почувствуют глубокой жизненной правды, воплощенной в образах Островского.

Исполнительницу роли Кручининой — артистку Дубровскую нельзя упрекнуть в мелодраматичности, в фальши. Беспорно, удался ей пролог, в котором убедительно показана беззаветно любящая девушка. Длительность, искренность есть у Дубровской и в остальных актах, но нет в исполнении драматического подтона, нет тех огромных эмоций, которые должны безраздельно захватывать зрителя; и всепоглощающее горе Кручининой, ищущей сына, и беспрерывная радость, когда она находит его, — эти моменты только намечены артисткой.

Рядом с Кручининой — Незнамов. Его судьба — жестокий обвинительный акт против капиталистического общества. Намеком с самого рождения слымо: он «незаконный» сын, и личка «подзаборник» преследует его всю жизнь. До встречи с Кручининой он не знал ничего, кроме горя, кроме боли. Островский говорит, что в Незнамово есть и другое и хорошее. Хорошее в Незнамово — сознание оскорбленного человеческого достоинства. Эту черту Незнамова и сильно, и сдержанно, с искренней горестью передает артист Никитин.

Менее ярко получилось у Никитина то, что Островский называет дураком в Незнамово, — дерзкий тон и манеры, приобретенные в провинциальной «труппе». Недостаточно ощущается у Никитина это «актерство», эта театральная нация.

Шмага... Сопившийся театальный актер, друг Незнамова. Он имеет неопенимые достоинства: «Он не жадуется на голод, когда ему ничего есть, он не сердится, когда его ругают и даже бьют» — рекомендует его Незнамов.

В исполнении артиста Павленко — Шмага, маленький и веселый, образу же вызывает жалость, а не смех. Да, не он, а «темное царство» виновато, что не знает Шмага в жизни ничего, кроме водки, что о своей профессии он говорит: «Мы — артисты, и наше место в бутете».

Решительно нельзя согласиться с образом Никола Стратоновича, которого играет арт. Синицын. Никл Стратонович пошлал, но он «барин»; нельзя лишать его той барствяной мизантропии, которой, как раскрывают современные, владеет образ Никола Стратоновича великий Ленский.

Постановщику (засл. арт. республики Волковский) удалось достигнуть того, что личная драма Кручининой не заслонит социального фона пьесы: нет фальши, нет излишней мелодраматичности; отдельные эпизоды театрально обострены удачными мизансценами. Оформление (художник Миллер) сочное, выразительное; картины только традиционные скользящие облака в последнем акте.

После двух спектаклей мы имеем право сказать: Центральный театр транспорта существует. В нем есть культурная режиссура, есть умело подобранная труппа, есть опытные актеры, есть талантливая молодежь.

Нет еще ансамбля, но и он будет, если руководители театра поймут, что даже художественный руководитель, который смог бы объединить все творческие силы, повести за собой и режиссеров и актеров к созданию единого ансамбля, единого коллектива.

В. НИЛОВ.